

ОБ ИНТЕНСИВНОСТИ ОБРОЧНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯН ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО, Л. В. МИЛОВ

Выявление интенсивности эксплуатации крестьян при феодализме имеет первостепенное значение для понимания социально-экономической эволюции деревни, так как при прочих равных условиях именно размеры феодальной ренты определяли возможности развития крестьянского хозяйства. Особенно важно выяснить интенсивность эксплуатации крестьян во время разложения феодализма, которое характерно резким усилением этой эксплуатации. Оно было обусловлено тем, что при заметном развитии товарно-денежных отношений прибавочный продукт, отбираемый помещиком у крестьянина, приобрел характер меновой стоимости, что создало стремление к безграничному увеличению размеров феодальной ренты.

Между тем изучение интенсивности эксплуатации крестьян в эпоху разложения феодализма в России развернуто еще крайне недостаточно, оно фактически ограничивается сбором данных о размерах повинностей крестьян. Но размер повинностей сам по себе (не соотношенный ни с чем) не показывает степени эксплуатации крестьян. В силу этого среди исследователей до сих пор существуют принципиальные расхождения в оценке значения роста этих повинностей, в частности, роста размеров оброка у помещичьих крестьян.

Дореволюционные историки утверждали, что рост оброка во второй половине XVIII — первой половине XIX в. был связан с изменением ценности ассигнационного рубля и соответствовал повышению цен на земледельческую продукцию¹. Тем самым отрицался или затушевывался факт усиления эксплуатации крестьян.

В работах, вышедших в послевоенный период, советские историки убедительно показали, что рост оброка в указанное время означал усиление эксплуатации крестьян, вел к ухудшению их положения и снижению уровня хозяйства. Однако интенсивность эксплуатации крестьян и ее динамика по-прежнему не установлены. Более того, некоторые исследователи и в настоящее время сомневаются в том, что рост повинностей приобрел в эпоху разложения и кризиса крепостничества разорительный для крестьян характер и что эта тенденция получила широкое распространение².

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы наметить один из возможных путей изучения роста интенсивности оброчной эксплуатации крестьян некоторых губерний Центральной России с конца XVIII до середины XIX в.

¹ См. В. И. Семеvский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, изд. 2, СПб., 1903, стр. 53—54; Л. Н. Юровский. Саратовские вотчины. Статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия, Саратов, 1923, стр. 109—110.

² См. П. Г. Рындзюнский. О мелкотоварном укладе в России XIX века. «История СССР», 1961, № 2, стр. 58.

Определение даже приблизительных показателей степени эксплуатации крестьян является задачей значительно более сложной, чем может представиться на первый взгляд. Чтобы судить об интенсивности эксплуатации оброчных крестьян, необходимо знать долю оброка в доходах крестьян. Пересчет же оброка на серебро, сопоставление показателей роста его с изменением цен, промысловых заработков и т. п. сами по себе не показывают этой доли³. Более того, подобные пересчеты и сопоставления, проводимые без учета всей совокупности факторов, определявших размеры оброка и их динамику, могут вообще привести к ошибочным выводам.

Следовательно, для определения степени эксплуатации оброчных помещичьих крестьян в тот или иной период надо знать размеры оброка и доходы крестьянского хозяйства в денежном выражении. Но здесь возникает ряд трудностей: у нас нет никаких систематических данных о доходах помещичьих крестьян не только в масштабах губерний или уездов, но даже отдельных селений, и определить их можно лишь приблизительно, путем расчетов, нередко громоздких. Но и для таких расчетов мы далеко не всегда располагаем данными, а те, которыми располагаем, дают возможность определить доходы крестьян, за редкими исключениями, лишь в среднем. Иначе говоря, остаются нераскрытыми различия в доходах отдельных прослоек крестьян. Это же относится и к размерам оброка. Таким образом, если учесть, что эпоха разложения феодализма характеризовалась все большим углублением расслоения крестьян, то, естественно, может возникнуть сомнение в правомерности оперирования этими средними данными. Учитывая эти сомнения, следует подчеркнуть, что речь идет лишь о возможности применения средних данных об оброке и доходах как показателей, отражающих в целом степень феодальной эксплуатации основной массы крестьян в условиях дореформенной России.

П. Г. Рындзюнским весьма категорично высказано мнение о том, что «„средние“ оброки в XIX в. (имеется в виду дореформенный период. — Авт.) в значительной мере теряют свое научное значение», ибо «на повышении оброка сильно сказалось расслоение крестьянства», в условиях которого „капиталисты“ крестьяне брали на себя большую долю оброчной суммы»⁴. Иначе говоря, П. Г. Рындзюнский считает, что рост средних размеров оброка был преимущественно результатом увеличения размеров оброка у богатейшей прослойки деревни.

Прежде чем перейти к выявлению того, в какой мере этот тезис подтверждается конкретным материалом, необходимо уточнить те основные требования, которым должны удовлетворять показатели о средних размерах оброка. Так, в случае, когда средние показатели используются для суждения о динамике, основное требование заключается в том, что «средняя» должна складываться из однотипных изменений, а масштабы этих изменений должны быть достаточно близкими. Иначе говоря, если данные о динамике средних размеров оброка складываются из роста или снижения размеров оброка у всех качественно различных прослоек крестьян, а темпы изменений у разных прослоек не имеют резких различий, то они правильно отражают общую суть процесса, имеют научный смысл. И, наоборот, не отражает сути, ненаучна средняя, складывающаяся из противоположных тенденций или резко отличных масштабов

³ Попытка решить вопрос об интенсивности эксплуатации крестьян и ее динамике указанным путем в последнее время была предпринята П. Г. Рындзюнским (см. указ. работу, стр. 56—58).

⁴ П. Г. Рындзюнский. Вопросы изучения мелкоотварного уклада в России XIX в. «История СССР», 1963, № 4, стр. 100.

соответствующих изменений. Именно за игнорирование указанных требований к средним показателям, а не вообще за использование средних, как иногда полагают, и критиковал В. И. Ленин народнических экономистов и социологов.

Посмотрим теперь, насколько в изучаемое время данные о средних размерах оброка удовлетворяют указанным требованиям. Конкретный материал для этого можно почерпнуть в тех вотчинных фондах, где наряду с данными о размерах оброка имеются подворные описи, позволяющие определить размеры оброка и его динамику у различных прослоек крестьян, а также выявить долю этих прослоек в оброчном окладе и соотношение ее с людскими и материальными ресурсами различных групп. В нижеследующих таблицах приведены соответствующие сведения по 42 имениям различных губерний Центральной России. При этом по 18 имениям имеется по две и более подворные описи, что позволяет судить о динамике. В 29 из этих имений (7 имений черноземной и 22 имения нечерноземной полосы) основным занятием крестьян было земледелие (см. приложения, табл. 2). У многих крестьян оно сочеталось с промыслами, однако последние играли вспомогательную роль. В 13 имениях (все они находились в Центрально-промышленном районе) главным источником доходов были различные промыслы и отход на заработки, а сельское хозяйство было отодвинуто на второй план (см. приложение, табл. 3). В рассматриваемый период были и такие имения, где крестьяне занимались только промыслами. О них будет идти речь особо.

Два указанных типа имений существенно различались по характеру расслоения крестьян. Это, в частности, хорошо видно на соотношении различных групп⁵. Если в земледельческой деревне было характерным преобладание среднего слоя при немногочисленности беднейшей группы, то в промыслово-земледельческой деревне имелся широкий слой беднейшего крестьянства, существовавшего в основном за счет продажи своей рабочей силы, а средняя группа утратила доминирующее положение. Были различия и в положении зажиточного слоя. В земледельческой деревне его благополучие в основном еще базировалось на семейной кооперации, а главной сферой приложения избыточных средств у подавляющей части зажиточных крестьян были торговля и ростовщичество. В промыслово-земледельческих имениях многие зажиточные крестьяне являлись предпринимателями-капиталистами.

Численно преобладающей категорией в русской помещичьей деревне было в течение всего периода земледельческое крестьянство. Поэтому при решении вопроса о правомерности использования обобщенных (в масштабе нескольких уездов, губернии или целого района) средних

⁵ При группировке дворов по подворным описям к беднейшим были отнесены дворы, в которых крестьяне не получали от собственного земледельческого или промыслового производства даже основной массы необходимых им хозяйственных и жизненных средств. В среднюю группу включены дворы, осуществлявшие при благоприятных условиях простое воспроизводство. К зажиточным причислены крестьяне, имевшие избыточные средства. При этом группировка дворов в земледельческих имениях производилась по обеспеченности крестьян лошадьми. Безлошадные и однолошадные хозяйства относились к беднейшим, с двумя—четырьмя лошадьми — к средней и с пятью и более — к зажиточной группе. В ряде имений, где крестьяне наряду с земледелием широко занимались скотоводством, учитывалась обеспеченность крестьян коровами (например, дворы, имеющие 2—4 лошадей, но пять и более коров, относились к зажиточным, а однолошадные с двумя и более коровами — к средним). В зажиточную группу были также включены все владельцы торгово-промышленных заведений (мельниц, крупорушек, различных мастерских, крупные торговцы и т. д.). Для промыслово-земледельческой деревни критерии группировки были смешанными. Учитывались и обеспеченность скотом и характер промысла. Дворы, получавшие основную массу средств от работы по найму, включались в беднейшую, от ремесла и мелкого товарного производства — в среднюю, а от торгово-промышленной деятельности — в зажиточную группы.

показателей размеров оброка и доходов помещичьих крестьян, в первую очередь, следует выявить смысл «средней» у этой категории крестьян.

Что же представляли собой средние данные о размерах оброка крестьян по имениям в целом и в какой мере они отражают размеры оброчного обложения основной массы крестьян. Для этого прежде всего необходимо выяснить, в какой мере оброчное обложение различных прослоек крестьян соотносилось с их экономическими возможностями. Данные по земледельческим и промыслово-земледельческим имениям показывают, что, как правило, доля оброчного оклада, положенного на беднейших крестьян, была меньше, чем доля населения, приходящегося на эту группу. У среднего слоя эти доли были близкими, а у зажиточных крестьян доля оброка превышала долю населения. В итоге размеры оброка в расчете на душу мужского населения у среднего слоя были больше, чем у беднейшего, а у зажиточного больше, чем у среднего. Это говорит о том, что при раскладке оброка учитывалось не только количество подлежащего обложению населения в том или ином дворе, но и его хозяйственная состоятельность. Однако все дело в том, что последняя учитывалась далеко не в полной мере. И вот косвенное свидетельство этому: указанные различия между группами в доле оброчного обложения населения, а также в размерах оброка на душу чаще всего были невелики. Более того, в целом ряде имений оброк на душу у беднейших крестьян был выше, чем у средних, а у зажиточных таким же или ниже, чем у средних. Если для беднейшей группы такое положение было в целом исключением (оно имело место лишь в Степных вотчинах и Спасском Юсуповых, Бутырском, Ивеньском, Латышихинском, Агафидском имениях), то у зажиточной прослойки оно являлось отнюдь не редким явлением. В земледельческой деревне оно отмечается в те или иные периоды в 17 имениях из 29, а в промыслово-земледельческой — в семи из 13 имений (например, в Княсовском, Спасском, Сосновском, Семеновском, Труневском и других имениях).

Как известно, в условиях господства земледельческого производства обеспеченность скотом отражает производственно-экономические возможности крестьянского хозяйства. Поэтому прямым показателем соотношения между оброчным обложением и экономическими возможностями крестьян является соразмерность между долей оброка и долей скота, приходящихся на соответствующие группы. В земледельческой деревне положение на этот счет было следующим. В беднейшей группе во всех имениях, кроме Пасконского имения Юсуповых, доля оброка, приходящегося на эту группу, была больше, чем доля принадлежавшего ей скота. В средней группе в большинстве имений доля оброчного оклада также была выше доли скота. У зажиточных же крестьян во всех имениях, кроме Мосальской части Пасконского имения в 1840 г. и Калитеевского имения, доля оброчного оклада, принятого этой группой, была ниже доли принадлежавшего ей скота.

Так же обстояло дело и в промыслово-земледельческой деревне. Если при этом учесть, что различия в доходах отдельных групп были здесь большими, чем в среде крестьянства земледельческого, то можно полагать, что и неуравновешенность в раскладке оброка была еще значительней.

Таким образом при раскладке оброка не было последовательной пропорциональности между его размерами и хозяйственной состоятельностью крестьян. Отсутствие такой пропорциональности было не только результатом того, что зажиточным крестьянам, особенно крупным предпринимателям, удавалось скрыть свои истинные доходы. Сама раскладка повинностей также чаще всего находилась в руках тех же деревенских богатеев, заведовавших мирскими делами и отнюдь не склонных брать на себя повышенную долю оброчных платежей. Наконец, прове-

дению последовательной соразмерности оброчного обложения хозяйственной состоятельности препятствовала сама природа феодальной ренты. Необходимо особо подчеркнуть значение последнего обстоятельства, поскольку оно чаще всего не учитывается исследователями.

Объективно-экономической основой феодальной эксплуатации было наделение крестьянина землей. В русской крепостной деревне наложение тягла всегда (исключая оброчное обложение безземельных бобылей) сопровождалось предоставлением надела. При этом в определенной мере учитывалась хозяйственная состоятельность крестьян. Однако помещик не мог ориентироваться только на нее. Необходимо было учитывать и семейные ресурсы рабочей силы. Разумеется, строгой соразмерности здесь не было, и обложение в расчете на работника было у зажиточных крестьян выше, чем у других прослоек. Однако это превышение, как правило, было сравнительно ограниченным. Во всяком случае, оно далеко не исчерпывало всех различий в производственно-экономических возможностях и относительной доходности хозяйства различных групп крестьян. Даже в чисто промысловых имениях, где расслоение крестьян было наиболее глубоким, а различия в доходах отдельных прослоек наиболее существенными, доля оброчного обложения зажиточной прослойки превышала долю населения и работников максимум лишь вдвое, да и то не везде. Это хорошо видно на примере Великосельского, Ивановского и Безводнинского имений (см. табл. 1).

ТАБЛИЦА 1

Доля населения, работников и оброчного оклада (в % к итогу по имению)

Группы	Великосельское (1835 г.)	Ивановское (1836 г.)		Безводнинское (1851 г.)
		Сельская половина	Волостная половина	
Беднейшая:				
Населения (муж.)	33,5	76,7	56,4	39,4
Работников (муж.)		76,0	52,1	39,1
Тягол	21,0	66,1	41,2	133,5
Средняя:				
Населения (муж.)	47,8	11,7	38,2	39,5
Работников (муж.)		12,1	43,4	39,6
Тягол	47,1	11,2	50,4	40,4
Зажиточная:				
Населения (муж.)	18,7	11,6	5,4	21,1
Работников (муж.)		11,9	4,5	21,3
Тягол	31,9	22,7	8,4	26,1

Что же касается других типов имений, то там эти различия, как мы видели (см. приложение, табл. 2 и 3), были значительно меньшими, а чаще всего совсем несущественными.

Конечно, были, и прежде всего среди промыслового крестьянства, отдельные дворы с резко повышенным оброчным обложением. Но, во-первых, это были единичные исключения, а во-вторых, и это главное, и в таких дворах доля оброка по отношению к доходам была меньше, чем даже у других зажиточных крестьян. Принципиальную важность имеют в этом плане сведения по селу Великому, поскольку здесь в подворной описи 1835 г. указана не только раскладка тягол, но и доходы крестьян. В целом по зажиточной группе учтенные доходы крестьян равнялись 62,8 руб. сер., а оброк 13 руб. сер. на муж. душу, т. е. оброк составлял 20,7% к доходам. В 20 дворах этой группы, уплачивавших оброк свыше 55 руб. сер. на двор, доходы составляли 81,2 руб., а оброк 16,8 руб. на душу, т. е. также 20,7% к доходам. Самый большой оброк — 109,8 руб. сер. на двор уплачивал в имении крупнейший торговец (тор-

говый оборот превышал 30 тыс. руб. ассигн.) Михаил Крашенников⁶. Но при оброке 36,6 руб. на душу он имел только учтенных доходов 193 руб. на душу, т. е. оброк составлял 18,4% к доходам. В действительности же эта доля значительно меньше, так как доходы его были несравненно выше.

В Сельской половине села Иванова в 1836 г. зажиточные крестьяне платили оброк 7,4 руб. сер. с души. В пяти дворах, несших по 5 и более тягол на двор, оброк равнялся 9,7 руб. с души⁷. В то же время на эти пять дворов приходилось около трети всех наличных капиталов, зафиксированных у всех (64 двора) зажиточных крестьян, — 37 тыс. руб. из 117,4 тыс. руб. ассигн.

Таким образом, анализ раскладки оброка в различных по характеру хозяйственной деятельности и глубине расслоения крестьян имениях Центральной России показывает, что повышенные доходы зажиточных крестьян улавливались оброчным обложением в очень незначительной степени.

Разумеется, это не означало того, что помещики не стремились присвоить в свою пользу часть этих доходов. Они с успехом делали это. Однако чаще всего не через обложение таких крестьян повышенным оброком, а иными путями. Пути эти были весьма разнообразными.

Едва ли не самым распространенным средством извлечения у крестьян избыточных средств была повсеместно распространенная практика освобождения крестьян от рекрутской повинности за определенный выкуп. Полная рекрутская квитанция, дававшая освобождение от рекрутской повинности на 20—25 лет, стоила в первой половине XIX в. две тыс. руб. ассигн. Поэтому приобретение даже части квитанции было посильным наиболее состоятельным из зажиточных крестьян. Нередко крестьяне для освобождения от рекрутской повинности брали кабальные ссуды, отдавали на много лет в кабалу членов своей семьи. Между тем средства, внесенные крестьянами на освобождение от рекрутской повинности, почти целиком поступали в пользу помещиков, так как последние, как правило, отдавали в рекруты вне очереди за недоимки, «дурное поведение» и т. п. других своих крестьян.

В Воскресенском (Нерехотский уезд, Костромской губ.) и Романово-Борисоглебском (Ярославская губ.) имениях Щербатовых с 80-х годов XVIII в. и до 1827 г. крестьяне внесли за освобождение от рекрутской повинности 101 988 руб. В Молодотудском имении Шереметевых (Тверская губ.) с 1800 по 1855 г. крестьяне уплатили с этой же целью 101 134 руб., а в Мануиловском имении Гагариных (Ржевский уезд) за 1800—1853 гг. — 32 649 руб. ассигн. Указанные имения не представляют ничего исключительного. Многочисленные документы показывают, что покупка рекрутских квитанций была повсеместным явлением в крепостной деревне.

Широкое распространение получило специальное обложение помещиками промышленных и торговых доходов крестьян. Например, в имениях Шереметева систематически собирались сведения о таких крестьянах и взимался ежегодный сбор в размере одного процента от суммы дохода или промышленного и торгового оборота⁸. Формой извлечения у крестьян избыточных средств была сдача им в аренду торговых мест и заведений, мельниц, прудов, садов, земельных угодий и т. п.

Важную роль в выкачивании средств зажиточных крестьян имело предоставление им за выкуп свободы. Такое освобождение обходилось крестьянам минимум в несколько тысяч рублей и было доступно лишь

⁶ ЦГИА СССР, ф. 51, оп. 1, д. 786. Двор № 107.

⁷ ЦГАДА, ф. 1287, оп. 5, д. 6078. Дворы №№ 130, 136, 158, 217, 326.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 3, дд. 915—919, 940—942, 994—997 и др.

отдельным богатым. Этой же цели служило и взимание выводных сумм при отдаче в постороннее замужество, особенно в свободные сословия, крепостных девушек⁹. Наконец, помещики, особенно рангом ниже, отнюдь не гнушались наложением на зажиточных крестьян крупных единовременных поборов под предлогом ссуд и помощи. Нередким явлением были прямое вымогательство и открытый грабеж. Следовательно, арсенал средств по усиленному обложению зажиточных крестьян, помимо оброка, был весьма разнообразным и достаточно эффективным.

Как видим, тезис о том, что «капиталистские» крестьяне брали на себя большую долю оброчной суммы, не находит подтверждения в конкретной действительности.

Тот факт, что оброчное обложение зажиточных крестьян было далеко не соразмерно с их доходами, а число крестьян, выделявшихся своими высокими доходами, было в крепостной деревне, как правило, невелико, имел свое очень важное следствие. Средние размеры оброка по имениям в целом определялись оброчным обложением основной массы крестьян. В среде оброчного земледельческого крестьянства, т. е. у большинства оброчных крестьян, наиболее многочисленной была средняя прослойка. Так, из указанных 47 подворных описей, характеризующих соотношение групп в земледельческих имениях, в 39 случаях средняя группа охватывала более половины всего населения. Поэтому в земледельческой деревне средние размеры оброка по имениям в целом чаще всего либо совпадали, либо были очень близки к оброку средней группы. Во многих промыслово-земледельческих имениях средняя группа также была наиболее многочисленной (из 27 описей такое положение отмечается по 14). Поэтому и среди этой категории крестьян средние оброки были нередко близки к оброку среднего слоя (в 12 описях из 27).

В имениях, где расслоение крестьян было более глубоким и где имелся обширный слой беднейшего крестьянства, средняя отклонялась в сторону этой группы (имения: Сосновское, Здекинское, Архангельское. Константиновское, Спасское Юсуповых), т. е. опять-таки была близка к размерам оброка наиболее многочисленной прослойки.

Кое-где имели место смещения средней и в сторону оброка зажиточной группы. Так, из 74 описей (см. приложение, табл. 2 и 3) такое явление отмечается в 16. Но, как выясняется, это смещение отнюдь не свидетельствовало о сдвиге средней в сторону группы с наиболее высоким оброчным обложением. Дело в том, что оброк по данным 15 описей был у зажиточных крестьян меньшим, чем у средних, а в одном случае — таким же, как в средней группе. Это значит, что средняя смещалась в сторону зажиточной группы не в силу ее усиленного обложения, а потому, что оброки этой группы мало чем отличались от оброков основной массы крестьян. Таким образом повсеместно средние размеры оброка близки к реальным оброкам основной массы крестьян.

Данные по имениям, где сохранилось по две и более описи, говорят о том, что в первой половине XIX в. в этом отношении не произошло существенных сдвигов. Размеры оброка у всех групп крестьян изменялись в одном направлении. Как правило, они, в конечном счете, повысились. С другой стороны, темпы изменений размеров оброка у разных групп чаще всего не имели резких различий. В ряде случаев у бедней-

⁹ Например, в имениях Шереметева в 1809—1816 гг. за выход в постороннее замужество 66 девушек было взыскано 65 900 руб. В том числе ивановский фабрикант Мих. Ямановский заплатил за свою дочь 10 тыс. руб., Ермолай Гандурин — за племянницу 7 тыс. руб., юхотский торговец Федор Петрилов — за дочь 6 тыс. руб. (Там же, д. 914, лл. 1—4.)

шей группы темпы роста оброка даже обгоняли темпы его роста у зажиточной группы. Так было в Киясовском имении Гагариных, где в 1840 г. в беднейшей группе оброк был равен 5,5 руб. на муж. душу, в зажиточной — 6,1 руб. а по описи 1858 г. оброк в беднейшей группе был уже 6,4 руб., а в зажиточной — 6,5 руб. на муж. душу. То же самое можно увидеть на материалах Спасского имения Гагариных, Семенцевского имения Мусиных-Пушкиных и др.

Важно отметить еще одно обстоятельство. Небольшие различия в оброчном подушном обложении сохраняются и при увеличении общей тяжести оброка. В наших таблицах фигурируют имения с самым разнообразным уровнем оброка, начиная, скажем, с 2 руб. с муж. души в начале XIX в. и кончая 10 руб. с муж. души в середине XIX в. Однако размер душевого оклада оброка по группам различной хозяйственной состоятельности колеблется незначительно в любом из этих случаев. Возьмем, к примеру, типично земледельческое по своему характеру имение — Молодой Туд Шереметевых. Здесь в начале, да и в середине века размер душевого оклада оброка невелик. В 1802 г. с муж. души в среднем платили 1,7 руб. (в бедной группе — 1,5 руб., в средней — 1,7 руб., в зажиточной — 1,9 руб.). В 1855/1856 г. в среднем с муж. души здесь платили 3,6 руб. (в бедной группе — 3,0, в средней — 3,7, в зажиточной — 4,0 руб.). К середине века, как мы знаем, в большинстве поместий оброк сильно растет. Углубляется одновременно и крестьянское расслоение. Однако зажиточные при этом не берут на себя львиную долю оброка. В Знаменском имении Орловых-Давыдовых средний оброк с муж. души в 1860 г. достиг 10 руб., т. е. его величина близка к средним погубернским размерам оброка в 50-х годах XIX в. для Центральной России. Как же распределяется он по группам? В беднейшей группе — 9,3 руб. на муж. душу, в средней — 10,5 руб. и в зажиточной — 9,7 руб. Та же картина в имении Старая Гать Орловых-Давыдовых. В 1860 г. в беднейшей группе платили 8,8 руб. с муж. души, в средней — 9,6 руб., в зажиточной — 10,4 руб.

Точно такое же положение дел и в среде промыслово-земледельческого крестьянства. Как пример здесь можно привлечь данные по Никольскому имению Шереметевых. В 1836 г. при среднем оброке в 3,4 руб. с муж. души в беднейшей группе он был равен 2,8 руб., в средней — 3,7 руб., в зажиточной 3,9 руб. с души муж. л. А вот материалы по другому имению (Семенцевское Мусиных-Пушкиных) за 1847 г. При среднем оброке в 10,4 руб. с муж. души в беднейшей группе он был равен 9,6 руб., в средней — 10,2 руб., в зажиточной — 10,9 руб. Различия, как мы видим, опять-таки невелики.

Разумеется, в ряде имений, особенно в середине столетия, разница по оброчному обложению между беднейшей и зажиточной группами очень значительна (например, в 1855 г. в Щукинском имении Юсуповых в беднейшей группе — 5,1 руб., в средней — 10,1 руб., в зажиточной — 11,7 руб. с муж. души). Однако для нас наиболее важно при этом следующее обстоятельство: размеры оброка у зажиточной группы крестьян чрезвычайно близки к оброку в средней группе, а обе вместе взятые дают 75% населения. Иначе говоря, и в этом случае средние размеры оброка отражают моду.

Таким образом, различия и в темпах роста и в абсолютных размерах оброка не изменили основного: средние размеры оброка в течение всего периода определялись оброчным обложением основной массы крестьян. Следовательно, они не утратили реального смысла, вполне научны, и ими закономерно пользоваться.

Перейдем к вопросу о средних размерах доходов крестьян. Здесь, к сожалению, приходится ограничиться всего несколькими имениями, поскольку данные, характеризующие эти доходы или позволяющие произвести необходимые исчисления, крайне скудны. В табл. 2 указаны до-

ходы и оброки крестьян по тем из указанных выше имений, где оказалось возможным определить доходы крестьян¹⁰.

По всем четырем имениям наблюдаются существенные различия в размерах доходов отдельных прослоек крестьян. Это вполне естественно. Однако характерно, что средние размеры доходов везде совпадают или очень близки к доходам среднего крестьянства. Таким образом, и средние размеры доходов можно рассматривать не как условную величину, а как показатель доходов наиболее многочисленной прослойки, поскольку в большинстве имений средняя группа была наиболее многочисленной. Следовательно, оперирование и этим показателем имеет не абстрактный, а реальный смысл.

В земледельческих (Мануйлово) и земледельческо-промысловых (Киясовка и Спасское) имениях доля оброка в доходах была обратно пропорциональна имущественной и хозяйственной состоятельности крестьян, т. е. наивысшей она была у беднейшего и наименьшей у зажиточного крестьянства. При этом различия между полярными группами были очень существенны (1,5—2,5 раза). Казалось бы, в промысловом имении Великое этот разрыв должен был быть еще большим, в силу большей глубины расслоения крестьян. В действительности же имело место обратное явление. Удельный вес оброка в доходах разных групп крестьян отличался несущественно. Это можно объяснить прежде всего недоучетом доходов зажиточных крестьян, поскольку в условиях промысловой деятельности крестьянам легче было скрыть свои истинные доходы, а вотчинным властям труднее их учесть.

Что касается средних показателей доли оброка в доходах крестьян по имениям в целом, то во всех пяти имениях они удивительно точно совпадают с долей оброка в доходах среднего крестьянства. Следовательно, и этот средний показатель имеет вполне реальный смысл.

Тот факт, что в рассматриваемых имениях доля оброка в доходах крестьян была невелика, объясняется сравнительно низкой степенью эксплуатации. Оброк здесь был значительно ниже, чем средние его размеры по соответствующим губерниям (см. табл. 4).

Наконец, остается выяснить, не окажутся ли недоучтенными повышенные доходы зажиточных крестьян при исчислении общих доходов крестьян по средним показателям, т. е. не будут ли занижены доходы крестьян и тем самым завышена доля оброка, отнесенного к этим доходам. Заметим, что такого занижения общих доходов можно опасаться только при исчислении доходов от промыслов, так как доходы от земледелия представляют собой оценку реального сбора хлебов, складывавшегося из сбора всех категорий и прослоек земледельцев. Что касается промыслов, то здесь интересный результат дает проверка по четырем имениям, указанным в табл. 3.

Здесь приведены общие реальные доходы от промыслов, указанные в подворных описях. В другой графе эти же доходы исчислены нами на основе общего количества занятых промыслами в каждом из имений и средних размеров заработков каждого занятого промыслами крестьянина (см. приложение, табл. 1).

¹⁰ Так, подворная опись по с. Великому содержит подробные данные о всех доходах крестьян, а в описях по остальным имениям указаны доходы от промыслов, определение размеров которых наиболее затруднительно. В Мануйловском, Киясовском и Спасском имениях пришлось еще учесть доходы от земледелия, что было нетрудно сделать, так как в описях указаны размеры посевов крестьян. В Мануйлово учитывались доходы от озимых и от яровых посевов, так как здесь земледелие было основным источником доходов крестьян. В Киясовке и Спасском учитывались доходы лишь от яровых посевов, потому что крестьяне продавали здесь только овес. Высота урожайности бралась для различных прослоек дифференцированно, для беднейшей — сам 3, 2 для средней и зажиточной — сам 3,5. При оценке доходов от земледелия учитывались не валовые, а чистые сборы хлебов.

Интенсивность эксплуатации различных прослоек крестьян

	Беднейшая	Средняя	Зажиточная	В среднем
Мануйловское имение Гагариных (Ржевский уезд) 1840 г.				
Доля групп (в %)				
В числе дворов	14,4	73,6	12,0	100,0
В населении (муж.)	10,1	73,0	16,9	100,0
В доходах	4,6	72,0	23,4	100,0
В оброчном окладе	8,2	74,2	17,6	100,0
На муж. душу (руб. сер.)				
Доходы: От земледелия	12,7	25,3	31,0	24,9
От промыслов	2,4	7,5	15,5	8,3
Всего	15,1	32,8	36,5	33,2
Оброк	5,8	7,3	7,4	7,1
Оброк в % к доходам	38,4	22,3	20,3	21,4
Княсовское имение Гагариных (Серпуховский уезд) 1840 г.				
Доля групп (в %)				
В числе дворов	47,2	39,5	13,3	100,0
В населении (муж.)	38,0	44,8	17,2	100,0
В доходах	25,8	44,5	29,7	100,0
В оброчном окладе	38,5	44,1	17,4	100,0
На муж. душу (руб. сер.)				
Доходы: От земледелия	5,6	7,9	12,0	7,7
От промыслов	9,2	13,9	25,8	14,2
Всего	14,8	21,8	37,8	21,9
Оброк	5,8	5,5	5,6	5,5
Оброк в % к доходам	39,2	25,2	14,8	25,1
Спасское имение Гагариных (Коломенский уезд) 1840 г.				
Доля групп (в %)				
В числе дворов	53,8	29,6	16,6	100,0
В населении (муж.)	44,0	37,0	19,0	100,0
В доходах	35,6	37,4	27,0	100,0
В оброчном окладе	44,0	37,0	19,0	100,0
На муж. душу (руб. сер.)				
Доходы: От земледелия	9,5	12,9	12,6	11,4
От промыслов	16,7	19,9	33,6	21,1
Всего	26,2	32,8	46,2	32,5
Оброк	6,6	7,1	7,0	6,9
Оброк в % к доходам	24,7	21,6	15,2	21,2
Великосельское имение Яковлевых (Ярославский уезд) 1835 г.				
Доля групп (в %)				
В числе дворов	43,2	42,8	14,0	100,0
В населении (муж.)	33,5	47,8	18,7	100,0
В доходах	20,2	46,9	32,9	100,0
В оброчном окладе	21,1	47,1	31,8	100,0
На муж. душу (руб. сер.)				
Доходы	21,5	34,9	62,8	35,6
Оброк	4,8	7,5	13,0	7,6
Оброк в % к доходам	22,3	21,5	20,7	21,3

Как видим, во всех имениях реальные доходы от промыслов были значительно ниже, чем исчисленные. Это объясняется, с одной стороны, тем, что реальные доходы фиксируют положение на конец 30-х годов, а принятые для расчета размеры заработка относятся к 50-м годам. За это время, вероятно, произошло увеличение размеров заработков, в расчете на одного человека, занятого промыслами. Но, очевидно, что этот рост не мог быть (особенно по Московской губернии) столь значительным, чтобы покрыть всю разницу. Другой причиной является то, что принятые для расчета размеры заработков превышают их реальные средние размеры. Произошло это от того, что при определении средних размеров

заработков в основу были положены заработки в какой-то мере квалифицированной рабочей силы. Среди же занятых промыслами крестьян преобладали продавцы неквалифицированной рабочей силы.

В итоге можно сказать, что применительно к крепостной эпохе выявление интенсивности эксплуатации оброчных крестьян путем сопоставления средних размеров оброка и исчисленных средних доходов крестьян вполне допустимо. Оно все же дает возможность получить представление, разумеется, лишь приближенное, об интенсивности эксплуатации основной массы крестьянства.

ТАБЛИЦА 3

*Реальный и исчисленный доход от промыслов
(в руб. сер.)*

* * *

	Реальный доход от про- мыслов по под- ворным описям	Исчислен- ный доход от промыс- лов
Мануиловское	3 928	4 230
Киясовское	11 434	18 348
Спасское	31 007	39 138
Константиновское	8 566	16 566

Перейдем к вопросу о методи-ке исчисления доходов крестьян и размеров оброка и характери-стике соответствующих источников и литературы.

Общий доход крестьянского хозяйства складывался из до-ходов от земледелия, скотоводства, огородничества, промысловых зара-ботков и других источников. Главенствующее значение имели доходы от земледелия и промысловых заработков. Учетом этих основных источни-ков доходов мы и ограничились при вычислении доходности крестьян-ского хозяйства, ибо установить даже косвенным путем доходы от дру-гих источников не представлялось возможным из-за отсутствия данных, которые могли бы послужить основой для этого.

Расчет доходов от земледелия был произведен следующим образом. В губернаторских отчетах имеются сведения о посевах и сборах хлебов по губерниям. По концу XVIII в. эти сведения относятся к 1785—1796 го-дам. До середины XIX в. взяты сведения за 50-е годы. Для конца XVIII в. известны сборы хлебов по культурам, но относятся они ко всем категориям хозяйств, т. е. нет отдельных данных не только о сбо-ре хлебов помещичьими оброчными крестьянами, но даже и помещичь-ими крестьянами в целом. В силу этого и для 50-х годов были взяты об-щегубернские данные, хотя здесь имеются сведения о сборе хлебов по-мещичьими крестьянами. Так как для 50-х годов показан лишь общий сбор яровых, то сбор по отдельным видам основных культур определен примерно, на основе учета их доли в конце XVIII в. и имевших место изменений в соотношении посевов культур. На основе указанных дан-ных был определен сбор основных культур на мужскую душу крестьян-ского населения соответствующих губерний. Величина этого сбора и была принята как показатель объема земледельческого производства помещичьих оброчных крестьян. Валовые сборы основных культур в расчете на ревизскую душу послужили основой для определения дохо-дов от земледелия в денежном выражении. Для этого использовались среднегодовые цены на основные культуры в конце XVIII и середине XIX в. по соответствующим губерниям.

Так были получены показатели доходов от земледелия в расчете на ревизскую душу.

Разумеется, они являются лишь приблизительно верными. Однако в виду того, что для нас важна не столько величина этих доходов сама по себе, сколько изменение их размеров, полученные данные могут быть вполне пригодными. При этом важно отметить, что в середине XIX в. уровень земледелия помещичьих оброчных крестьян будет завышен сравнительно с концом XVIII в. из-за того, что за это время значительно возросла доля хлебов, собираемых на помещичьих запашках. Следова-

тельно, в итоге несколько завышены и доходы от земледелия. Но тем самым мы избегаем опасности преувеличения показателей роста эксплуатации крестьян к середине XIX в. сравнительно с концом XVIII в.

Для определения доходов от промыслов были использованы данные о промысловых заработках крестьян и размахе промысловой деятельности. Размеры промысловых заработков были взяты в среднем для губерний на одного работника, занятого в промыслах, по имеющимся сведениям о промысловых заработках. Так как прямых данных о числе занятых промыслами помещичьих оброчных крестьян нет, то для получения их опять-таки приходится идти косвенным путем. В распоряжении исследователей имеются погубернские сведения о размахе промысловой деятельности государственных крестьян, а также данные либо о числе занятых промыслами всех категорий крестьян, либо о числе выданных паспортов. На основе этих данных определялась доля занятых промыслами крестьян. Заметим, что при определении этой доли общегубернские данные о числе паспортов или уходе на промыслы относились не ко всему крестьянскому населению губерний, а лишь к числу государственных и помещичьих оброчных крестьян, так как промыслы среди барщинных крестьян были распространены незначительно. Полученные показатели с некоторыми поправками принимались и для оброчных помещичьих крестьян, что дало возможность установить общее число крестьян, занятых промыслами. На основе этих данных и размеров промысловых заработков и определялся общий доход от промыслов. Этот последний затем рассчитывался на ревизскую душу всех оброчных крестьян.

Суммарный доход на душу от земледелия и промыслов рассматривался как валовой доход крестьян. С ним сопоставлялись размеры оброка на душу для определения степени эксплуатации крестьян.

Все расчеты даны в серебре. При пересчете ассигнаций на серебро для конца XVIII в., на основе официальных данных о курсе ассиг. рубль. был принят коэффициент 80 коп. сер. за ассиг. рубль.

Указанные расчеты удалось произвести лишь для четырех губерний Центральной России: Московской, Тверской, Орловской, Рязанской. Такое ограничение обусловлено как значительным объемом подсчетов, так и прежде всего трудностями, сопряженными со сбором необходимых данных. Эти трудности усугублялись тем, что необходимо иметь весь комплекс данных по той или иной губернии и для конца XVIII и для середины XIX в., что резко ограничивало возможности выбора районов для исследования, особенно для конца XVIII в.

Итоги соответствующих расчетов, перечень использованных источников и литературы и замечания об обработке данных помещены в Приложении.

Разумеется, приводимые расчеты приблизительны и представляют собой первую попытку решения сложного вопроса, путем своего рода моделирования сути процесса. Однако полученные результаты, несмотря на всю их приближенность, настолько убедительны, что позволяют уже сейчас сделать некоторые выводы.

* * *

Во всех рассматриваемых губерниях и в конце XVIII и в середине XIX в. основную долю в валовом доходе крестьян составляли доходы от земледелия (см. табл. 4). Исключением являлась Московская губерния в середине XIX в. Размеры крестьянских доходов от земледелия определялись уровнем земледельческого производства (см. сборы хлебов и картофеля на душу) и высотой цен на земледельческую продукцию.

В черноземных Орловской и Рязанской губерниях уровень земледелия крестьян был значительно выше, чем в Тверской и Московской. В последней он был особенно низок и деревня имела здесь большой излишек рабочей силы, что отмечается во многих источниках. В Мос-

ТАБЛИЦА 4

Степень эксплуатации помещичьих оброчных крестьян и ее динамика

Губернии	Московская			Тверская			Орловская			Рязанская		
	Конец XVIII в.	Середина XIX в.	Рост (в %)	Конец XVIII в.	Середина XIX в.	Рост (в %)	Конец XVIII в.	Середина XIX в.	Рост (в %)	Конец XVIII в.	Середина XIX в.	Рост (в %)
Сбор хлебов и картофеля на рев. душу (чт.)	5,44	6,05	11,2	7,07	9,23	30,6	10,86	11,44	5,3	10,11	10,90	7,8
Цены (чт. руб. сер.)												
Рожь	3,56	3,80	6,7	4,00	4,50	12,5	1,82	2,39	31,3	2,00	2,58	29,0
Овес	1,98	2,59	30,8	2,09	2,22	6,2	1,25	1,70	36,0	1,49	1,82	22,1
Доход от земледелия на рев. душу (руб. сер.)	15,0	17,5	16,7	22,0	30,5	38,6	20,0	29,0	45,0	20,2	23,5	16,3
Заработок промышленного работника (руб. сер.)	32,0	66,0	106,3	14,0	30,0	14,3	7,0	15,0	14,3	15,0	30,0	100,0
Занято промыслами (тыс. чел.)	23,5	66,8	184,3	27,9	48,9	75,2	16,0	24,5	53,1	15,3	44,7	192,2
Доход от промыслов на рев. душу	8,0	21,8	172,5	2,8	9,9	253,6	1,1	3,8	236,4	2,7	9,0	233,7
Общий доход от земледелия и промыслов на рев. душу (руб. сер.)	23,0	39,0	69,6	25,0	40,5	62,0	21,0	33,0	57,3	23,0	32,0	39,1
Оброк с рев. души (руб. сер.)	4,8	11,4	137,5	4,5	13,1	191,1	4,0	12,5	212,5	4,5	11,8	162,2
Оброк с души в переводе на рожь (чт.)	1,35	3,00	122,2	1,10	2,91	164,6	2,19	5,23	138,8	2,25	4,57	103,1
Оброк в % к общему доходу	20,9	29,2	40,0	18	32,3	79,4	19,1	37,9	98,4	19,6	36,3	85,2

ковской, Орловской и Рязанской губерниях уровень земледелия в середине XIX в. был несколько выше, чем в конце XVIII в. (рост 5—11%). При этом зерновое производство во всех этих губерниях несколько снизилось и общий уровень земледелия несколько повысился за счет картофеля. В Тверской губернии повышение было более значительным (30%), при этом повысился несколько и уровень зернового хозяйства. В целом изменения в уровне земледельческого производства к середине XIX в. не могли существенно повлиять на размеры доходов от земледелия.

Высота же уровня земледелия была такова, что только в Орловской и Рязанской губерниях крестьяне располагали товарными излишками зерна, в Тверской губернии они могли быть минимальными, да и то только в XIX в., а в Московской о них, если говорить в целом, не может быть и речи. Это вполне очевидно из того, что более четвертой части валового сбора хлебов должно было остаться на семена, а на продовольственные и хозяйственные нужды требовалось по 3 четверти на каждую душу, т. е. 6 чт. в нашем расчете.

Во всех губерниях к середине XIX в. цены на основные культуры (рожь и овес) повысились. Здесь обращают на себя внимание два момента. Во-первых, более высокий рост цен в районе, вывозящем хлеб (Орловская и Рязанская губерния), сравнительно с районом потребляющим (Московская и Тверская). Результатом этого было уменьшение различий в высоте цен в потребляющем и производящем районах — явление вполне закономерное в условиях общего роста товарно-денежных отношений. Во-вторых, рост цен был значительно меньше, чем это иногда представляется. Так, даже в Орловской губернии, где этот рост

был наиболее существенным, по ржи он составлял 31%, а по овсу — 36%. Правда, говоря о динамике цен в характеризующий период, следует иметь в виду, что между концом XVIII и серединой XIX в. лежал период, когда эти цены сравнительно быстро повышались (до 20-х годов XIX в.), а затем, не считая резких колебаний в годы неурожая, наступила стабилизация и даже, возможно, снижение их. Факт сравнительно небольшого изменения цен за довольно длительный отрезок времени, с одной стороны, свидетельствует об относительно устойчивой ценности серебряного рубля и отсутствии резких различий между товарной массой сельскохозяйственной продукции и спросом на нее в конце XVIII и середине XIX в. С другой стороны, это говорит о том, что уже в конце XVIII в. цены на хлеб, видимо, были близки к издержкам на его производство¹¹.

Рост цен повлиял на изменение доходов крестьян от земледелия более существенно, чем изменения в уровне земледелия, но также не мог привести к радикальному сдвигу. Так, в Орловской и Тверской губерниях, в которых доходы от земледелия выросли наиболее значительно, их рост составлял соответственно 45 и 39%. В Московской и Рязанской губерниях эти доходы возросли всего на 16%.

Размер доходов от земледелия в расчете на душу наиболее низким был в Московской губернии (15 руб. в конце XVIII в. и 17,5 руб. в середине XIX в.). Он не только не мог дать средств для уплаты оброка и повинностей, но не обеспечивал и необходимого минимума жизненных и хозяйственных потребностей. В Орловской и Тверской губерниях доход от земледелия был примерно одинаковым (соответственно 20 и 22 руб. в конце XVIII и 29 и 30 руб. в середине XIX в.), но одинаковым лишь в денежном выражении. Действительные возможности для получения денежных средств от продуктов земледелия в Тверской губернии были значительно меньше ввиду более низкого уровня земледелия, которое не могло удовлетворить всех нужд крестьянина в деньгах. Такое же положение было и в Рязанской губернии, но в силу низких цен на продукты земледелия. Таким образом, в трех из рассматриваемых губерний (Московской, Тверской и Рязанской) и в конце XVIII в. и тем более в середине XIX в. оброчные крестьяне неизбежно должны были обращаться к промысловым занятиям.

Доходы от промыслов крестьян определялись размерами заработков и размахом этих занятий. Самым высоким заработок одного промыслового работника был и в конце XVIII и в середине XIX в. в Московской губернии (соответственно 32 и 66 руб.). Наиболее распространенным видом промыслов крестьян была здесь работа по найму в промышленности. Оплата труда в промышленности, особенно квалифицированного, была выше, чем при другого рода неземледельческих занятиях крестьян. Этим и объясняется более высокий уровень промысловых заработков крестьян. В Тверской и Рязанской губерниях заработки были примерно одинаковыми (14—15 руб. в конце XVIII в. и 30 руб. в середине XIX в.). Это вполне соответствует и характеру промысловых занятий крестьян. Главными видами крестьянских промыслов здесь были работы в судоходстве, плотничья работа, изготовление различных изделий из дерева, всякого рода подсобные, «черные», работы. Уровень заработков здесь был примерно вдвое ниже, чем в Московской губернии, заработок одного работника в Орловской губернии равнялся 7 руб. в конце XVIII в. и 15 руб. в середине XIX в., т. е. был вдвое ниже, чем в Тверской и Рязанской губерниях. Это объяснялось тем, что губерния была менее промы-

¹¹ К. Маркс указывал, что превращение в национальном масштабе натуральной ренты в денежную предполагает не только значительное развитие товарного производства и денежного обращения, но и «рыночную цену продуктов и то, что они продаются более или менее близко к своей стоимости» (К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1959, стр. 810).

словой и промыслы в значительной мере имели сезонный характер. Это были прежде всего извоз, работа на судах и обработка пеньки.

Во всех четырех губерниях промысловые заработки в рассматриваемое время выросли примерно вдвое — свидетельство того, что рост промысловых заработков определялся отнюдь не узко местными причинами, а общими закономерностями социально-экономического развития, состояния рынка наемной рабочей силы Центральной России в целом.

Число помещичьих оброчных крестьян, занятых промыслами, во всех губерниях значительно возросло, наиболее существенно — в Московской и Рязанской губерниях (соответственно на 184 и на 192%), наименее — в Орловской (на 53%). В Тверской губернии число занятых промыслами крестьян увеличилось на 75%. Указанные различия вполне соответствовали характеру хозяйственного развития губерний. Московская губерния становилась все более ярко выраженной промышленной губернией. В этом же направлении специализировалась и заокская часть Рязанской губернии, где была сконцентрирована подавляющая часть помещичьих оброчных крестьян. Для Тверской губернии было характерно развитие отхожих промыслов, при которых рост числа крестьян, занятых промыслами, был, естественно, меньшим. Орловская губерния по-прежнему оставалась преимущественно земледельческой и промысловая деятельность крестьян развивалась прежде всего в западных уездах.

Доход крестьян от промыслов в расчете на ревизскую душу во всех губерниях значительно возрос (в Московской на 172,5, Тверской на 253,6, Орловской на 236,4 и Рязанской на 233,7%). Увеличилась и его доля в общем доходе крестьян. Структура этого дохода к середине XIX в. в губерниях с усиленно развивающейся промысловой деятельностью крестьян значительно изменилась. Если в конце XVIII в. доходы от промыслов составляли значительную часть общего дохода только в Московской губернии, то в середине XIX в. они заняли видное место также и у оброчных крестьян Тверской и Рязанской губерний. Изменения были таковы. В Московской губернии доходы от промыслов в конце XVIII в. составляли 34,8% всего дохода, в середине XIX в. — 55,9%: в Тверской — соответственно 11,2 и 24,4%, в Рязанской — 11,7 и 28,1%, в Орловской — 5,2 и 11,2%. Таким образом, если в конце XVIII в. промыслы являлись главным источником получения денежных средств лишь в Московской губернии, хотя и в Тверской и Рязанской губерниях они, видимо, уже давали значительную часть наличных денежных средств, то в середине XIX в. промыслы давали основную часть денежных средств и в Тверской и в Рязанской губерниях, а в Московской составляли большую часть валового дохода крестьян в денежном выражении.

Общий доход крестьян от земледелия и промыслов к середине XIX в. вырос во всех губерниях. Весьма характерно, что в пределах рассматриваемых районов этот рост был либо одинаковым, либо очень близким. Так, для Московской и Тверской губерний рост доходов составлял соответственно 69,6 и 62,0%, т. е. примерно в $\frac{2}{3}$ раза, в Орловской и Рязанской — 57,3 и 39,1%, т. е. приблизительно в полтора раза. Можно полагать, что рост доходов крестьян в каждом экономическом районе определялся общими для районов условиями и характером социально-экономического развития. Эта закономерность нашла свое отражение и в абсолютных размерах доходов крестьян.

Абсолютные размеры общего дохода крестьян в конце XVIII в. составляли в Московской и Тверской губерниях 23 и 25 руб., в Орловской и Рязанской — 21 и 23 руб., в середине XIX в. соответственно 39,0 и 40,5 руб., 33,0 и 32,0 руб. Обращает на себя внимание тот факт, что в середине XIX в. различия в размерах доходов между районами воз-

росли сравнительно с концом XVIII в. Это было результатом более быстрого роста доходов в промышленном районе.

Таковы основные источники доходов крестьян и изменения в размерах доходов и их структуре в период с конца XVIII до середины XIX в.

Посмотрим теперь, как изменялись размеры оброка и его доля в общем доходе крестьян, т. е. как изменилась интенсивность эксплуатации крестьян.

Прежде всего несколько общих замечаний о динамике размеров оброка в последней трети XVIII — 50-х годах XIX в. Материалы о размерах оброка, опубликованные в последние 10—15 лет, позволяют отметить весьма заметные порайонные колебания в размерах оброка¹². Во второй половине XVIII в. более высокий уровень оброка характерен для большинства районов Промышленного центра (главным образом междуречье Оки и Волги). С 1,5—2 руб. в 60-е годы XVIII в. он вырос до 5—7 руб. в 80-е годы, а к концу века доходил в ряде районов до 8—10 руб. с души¹³. В ряде других районов в 80-е годы уровень оброка был значительно ниже. Так, в Костромской губ. (Кинешемский, Ветлужский и др. уезды), а также Нижегородской губ. (Балахнинский, Семеновский, Сергачевский уезды) подавляющее большинство крестьян платило трехрублевый оброк. Примерно на том же уровне был оброк и в большинстве уездов Смоленской губ. Оброк в 2—3 рубля характерен для Валдайского и Боровического уездов Новгородской губ. В свою очередь в пределах губерний уровень оброка был неодинаков, и это следует подчеркнуть особо. Колебания от высшего уровня до низшего равнялись 25—40%, например, в Нерехтском уезде — средний для уезда 4,5 руб. с души, а в Кинешемском — 2,9 руб. Для районов черноземных, особенно освоенных, характерен более высокий уровень оброка. В конце 70-х годов в Епифанском уезде Тульской губ. оброк был равен в среднем 2,9 руб. с души, в Ефремовском — 5 руб., в Скопинском уезде Рязанской губ. в 80-х годах — 6,2 руб. с души, в Землянском уезде Воронежской губ. в 80-х годах — 4,4 руб., в Орловском уезде — 4,5 руб. с д. м. п., Кромском (Луганском) — 3,6 руб., в Севском — 4,1 руб. и т. д. В пределах губерний разница также бывает огромна, 40—50% (например, для Острожского уезда — 2 руб. с души, а по Землянскому — 4,4 руб.).

Столь существенная разница в уровне оброка несомненно свидетельствует об ощутимой зависимости между уровнем оброчных платежей и доходностью крестьянского хозяйства. Но подобная зависимость, разумеется, может наблюдаться лишь в самом общем плане.

Сравнение оброков конца XVIII в. с оброками 50-х годов XIX в. наводит на мысль, что динамика оброка в Европейской России в первой половине XIX в. очень похожа на своего рода нивелировку. Там, где темпы роста оброка во второй половине XVIII в. были высокими, в XIX в. рост оброка шел менее стремительно. Наоборот, в районах с относительно медленным во второй половине XVIII в. ростом оброка в первой половине XIX столетия наблюдается более быстрый рост. Так, в 80-х годах XVIII в. в Егорьевском уезде оброк помещичьих крестьян достигал в среднем по уезду 7 руб. с души (т. е. вырос с 60-х годов в 2,5—3 раза). Далее вплоть до 50-х годов XIX в. сумма душевого оброка выросла лишь до 13,7 руб. сер. Наоборот, например, в Сергачском уезде Нижегородской губернии в 80-х годах XIX в. оброк — 3 руб. с души, а в 50-х годах XIX в. — 9,4 руб. сер. с души, т. е. рост в 3,1 раза; Мосальский уезд в конце 70-х годов — 2,5 руб., а в 50-х годах XIX в. — 12,8 руб. сер. (рост в 5,1 раза). По Ефремовскому уезду рост был лишь в 1,7 раза

¹² Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в., М., 1957, стр. 156—159.

¹³ Л. В. Милов. Об изучении роста оброка в России во второй половине XVIII века. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 1, стр. 95—114 и др.

(с 5 руб. в 80-е годы до 8 руб. 70 коп. в 50-е годы XIX в.), а по Остро-гожскому в 6,8 раза (с 2 руб. в 80-е годы до 13 руб. 70 коп. в 50-е годы XIX в.).

В целом прослеживается следующая закономерность: там, где в 80-е годы XVIII в. общий уровень оброка был наиболее высоким, там в 50-е годы XIX в. он не выделялся на общем фоне, а иногда даже был ниже среднего уровня. Так, например, по приволжским районам Костромской губ., по промысловым уездам Владимирской губ., по Московской губ. и т. д. в 50-е годы XIX в. оброчные платежи были не выше 40—25 руб. сер. с тягла (примерно 10—11 руб. с души), т. е. несколько ниже среднего уровня. Такого рода явления имеют в своей основе не соответствие роста оброка доходности крестьянского хозяйства, а наоборот, выколачивание из крестьян максимального размера оброка, приводящее к быстрому истощению резервов крестьянского хозяйства земледельческого или промыслового типа. Довольно ярким примером служит группа центральных и западных уездов Орловской губ. Вот сопоставление размеров оброка в XVIII и XIX вв. (в руб. сер.):

Название уездов	80-е годы XVIII в.	50-е годы XIX в.
Орловский	4,5	9,6
Севский	4,1	8,7
Кромский (Луганский)	3,6	11,2
Трубчевский	5,7	5,7

В целом опять та же закономерность: где быстрее росли оброчные платежи во второй половине XVIII в., там же в XIX столетии темп роста медленнее и ниже общий уровень оброка. Пристальное внимание привлекают данные по Трубчевскому уезду. Наиболее высокий уровень оброка в Европейской России для начала 80-х годов XVIII в. сменился самым низким. В абсолютном выражении роста нет вовсе. Чем же это объяснить? Вероятнее всего, здесь мы имеем дело с наиболее ярко выраженной тенденцией в движении оброчных платежей. Максимальное наращивание оброка, обгонявшее рост доходности крестьянского хозяйства и толкавшее крестьянина на поиски новых путей для изыскания средств к уплате феодальной ренты, достигло предела еще в XVIII в. и тем самым исчерпало, при существовавшей в то время хозяйственной конъюнктуре, возможности крестьянского хозяйства как в промыслах (деревообрабатывающий, стекольный, гончарный и т. п.), так и в земледелии (конопля, пенька). Таким образом, основная специфика уровня оброчных платежей 50-х годов XIX в. заключалась в ликвидации пестроты и разнообразия размеров оброка, присущих последней трети XVIII в. Размеры оброка относительно выравнялись. Внутреннее содержание этого процесса в конечном счете могло состоять только в одном: во всех районах эксплуатация помещичьих оброчных крестьян достигла максимального уровня.

Посмотрим теперь, какова была динамика размеров оброка в рассматриваемых губерниях в целом.

В конце XVIII в. размеры оброка крестьян в Московской, Тверской, Рязанской и Орловской губерниях были весьма близки и составляли соответственно 4,8, 4,5 и 4 рубля с души. При примерно равных размерах доходов крестьян доля оброка в общем доходе также была очень близкой. Оброк составлял около пятой части доходов крестьян.

К середине XIX в. размеры оброка во всех губерниях значительно возросли. Темпы этого роста в целом находились в зависимости от размеров оброка в конце XVIII в. По размерам оброка в конце XVIII в.

губернии шли в таком порядке: Орловская — 4 руб., Тверская и Рязанская — 4,5 руб., Московская — 4,8 руб. К середине XIX в. оброк вырос соответственно на 212,5, 191,1, 162,2 и 137,5%.

Во всех губерниях рост размеров оброка значительно опережал рост доходности крестьянского хозяйства. Естественно, что превышение темпов роста оброка над ростом доходности было больше там, где

ТАБЛИЦА 5

Доля всех повинностей крестьян к общему доходу (в %)

Губернии	Конец XVIII в.	Середина XIX в.
Московская	25,2	36,9
Тверская	16,8	39,8
Орловская	23,8	47,0
Рязанская	23,9	46,3

оброк вырос больше. Таким образом, утверждения о том, что в рассматриваемый период рост оброка был пропорционален развитию производительных сил в крестьянском хозяйстве, т. е. росту его доходности, применительно к Центральной России являются необоснованными. Так же несостоятельны и утверждения о том, что рост оброка соотносился с повышением цен и размеры оброка при пересчете на хлеб были примерно одинаковыми. Перевод

денежного размера оброка на натуру (рожь) показывает, что в середине XIX в. он был больше, чем в конце XVIII в. в Московской губернии на 122,2%, в Тверской на 164,6%, в Орловской на 138,8% и в Рязанской на 103,1%.

Таким образом, имело место значительное усиление эксплуатации крестьян. В середине XIX в. крестьянин должен был отдавать помещику в виде оброка примерно в полтора — два раза большую часть своего дохода от земледелия и промыслов, чем в конце XVIII в.

Как видим, рост размеров оброка означал существенное усиление эксплуатации основной массы крестьянства.

* * *

Анализ динамики эксплуатации помещичьих оброчных крестьян Центральной России будет неполным, если не остановиться на вопросе о том, в какой мере была полезна для крестьян та эксплуатация, которой они подвергались. Прежде чем переходить к этому вопросу, следует учесть, что повинности крестьян не ограничивались одним оброком. Кроме него, все крестьяне платили подушную подать, несли мирские, земские и другие повинности, которые в рассматриваемое время также значительно выросли. Так, подушная подать выросла с 80 коп. сер. в конце XVIII в. до 2 руб. сер. с души в середине XIX в. Как показывают материалы вотчинных фондов, мирские сборы с крестьян составляли в конце XVIII в. — нач. XIX в. примерно четвертую часть, а в середине XIX в. половину от размеров подушной подати¹⁴. Оброк вместе с подушной податью и мирскими сборами составлял по отношению к общему доходу крестьян следующую долю (см. табл. 5).

В какой же мере в конце рассматриваемого периода остающаяся за вычетом повинностей часть крестьянского дохода обеспечивала хозяйственные и жизненные потребности?

Среди этих потребностей прежде всего необходимо учесть затраты на семенной фонд. Урожайность во всех рассматриваемых губерниях в 50-х годах XIX в. не превышала сам 3—3,5. Будем считать, что на семена требовалась лишь четвертая часть сбора, а следовательно, и четвертая часть доходов от земледелия в денежном выражении.

Современниками было общепризнано, что на продовольствие и хозяйственные нужды требовалось 3 чт. зерна на каждую душу населения¹⁵. Так как оставшаяся в распоряжении крестьянина часть дохода

¹⁴ См., напр., ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 21, лл. 1—16, оп. 13, д. 283.

¹⁵ См., напр., П. Кеппен. О потреблении хлеба в России, СПб., 1839, стр. 4.

должна была обеспечивать и мужское и женское население, то требуется 6 чт. зерна. Пусть 4 чт. из них будет рожь, а 2 чт. зерна — овес. Определив стоимость их по указанным местным ценам, получим величину затрат на зерно для продовольственных и фуражных нужд.

Кроме указанных затрат, крестьянину требовалась определенная сумма на другие нужды (приобретение инвентаря, сбору, строительных материалов, некоторых видов одежды, соли и пр.). Автор описания Тверской губернии определял расходы на эти нужды для начала 80-х годов XVIII в. примерно в 16 руб. на семью в четыре человека, т. е. в 8 руб. на ревизскую душу¹⁶. В середине XIX в. они были значительно больше, но примем их равными 8 руб. сер. на ревизскую душу. Итог получается такой (см. табл. 6):

ТАБЛИЦА 6

Потребность крестьян в средствах на хозяйственные и жизненные нужды в середине XIX в. (в руб. сер.)

Губернии	Московская	Тверская	Орловская	Рязанская
На семена	4,4	7,8	7,3	5,9
На зерно для продовольственных и фуражных нужд	20,4	22,4	13,0	13,9
На другие расходы	8,0	8,0	8,0	8,0
Всего	32,0	38,0	28,0	28,0
Остаток от общего дохода за вычетом всех повинностей	25,0	24,0	18,0	17,0
Недостаёт на хозяйственные и жизненные потребности	7,0	14,0	10,0	11,0

Как видим, обнаруживается совершенно отчетливая картина. Даже учитывая, что крестьяне имели некоторые неучтенные источники дохода (от скотоводства, огородничества и пр.), они и при этом не могли свести концы с концами. Особенно тяжелым было положение в губерниях черноземного центра, где размеры доходов крестьян были ниже, а степень эксплуатации выше, чем в промышленном районе. Если для Московской губернии еще можно допустить, что здесь в благоприятные годы крестьянин кое-как сводил концы с концами, то в Орловской и Рязанской губерниях такой возможности для основной массы крестьян, видимо, уже не было.

Известно, что в определенных условиях феодальная рента может возрасти настолько, что становится «серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самих средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и низводит непосредственного производителя к физическому минимуму жизненных средств»¹⁷. Выявленная картина — яркий пример подобного роста размеров феодальной ренты. Снижение уровня земледелия и скотоводства, ухудшение положения крестьян и в силу этого замедление роста населения в крепостной деревне и даже его сокращение — все эти характерные для предреформенной эпохи явления были прямым следствием резкого усиления эксплуатации крестьян.

Разумеется, преобладание в период кризиса крепостничества тенденции к установлению разорительных повинностей не означает того, что эта тенденция абсолютна. Степень эксплуатации крестьян даже в рамках небольших районов была неодинаковой. В некоторых помещичьих имениях интенсивность эксплуатации была значительно ниже ее

¹⁶ ЦГВИА, ВУА, д. 19088, ч. 1, л. 53.

¹⁷ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 809.

среднего уровня. Но даже в тех имениях, где она была крайне тяжелой, имелись крестьянские хозяйства, которые располагали возможностями для расширения и совершенствования своего хозяйства и пользовались ими. Они и были носителями поступательной тенденции в развитии крестьянского хозяйства. Но в соотношении двух тенденций в целом брала верх тенденция установления непосильных для основной массы крестьян повинностей.

Крестьянство отнюдь не принимало безропотно усиливающийся гнет. Оно вело против него все обостряющуюся борьбу. Одной из форм этой борьбы был отказ от уплаты возросших оброков, нерегулярная и неполная уплата оброка. Те огромные оброчные недоимки, которые так характерны для рассматриваемого времени, особенно для последних предреформенных десятилетий, свидетельствуют не только о тяжести оброка, но и том, что крестьяне всеми способами стремились обеспечить хотя бы минимум необходимых им жизненных и хозяйственных средств. Повседневная и не всегда заметная для историков борьба за это была составной частью того мощного классового протеста, который и опрокинул крепостной строй в России.

Таковы некоторые построения, выводы и наблюдения, которые представлялось целесообразным затронуть. Авторы далеки от мысли, что они решили важную и сложную задачу. Все изложенное является лишь попыткой определения путей ее решения, а полученные результаты первым итогом проделанной работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЕ К ТАБЛИЦЕ 1.

Общее количество крестьян дано по 5 ревизии. (К. Герман. Статистические исследования относительно Российской империи. ч. I. О народонаселении, СПб., 1819) и по 10 ревизии («Статистические таблицы Российской империи», вып. II, СПб., 1863). Сведения о помещичьих крестьянах по 5 и 10 ревизиям — ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 8; оп. 6, д. 1023—1024.

Доля оброчных крестьян по Тверской и Орловской губ. в конце XVIII и по всем губерниям в середине XIX в. — И. И. Игнатович «Помещичьи крестьяне накануне освобождения» (изд. 3, Л., 1925, стр. 73). Доля оброчных крестьян в конце XVIII в. по Московской губ. — Н. Л. Рубинштейн «Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.» (М., 1957, стр. 102); по Рязанской губ. — И. Д. Ковальченко «Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в.» (М., 1959, прилож. I). Общее количество оброчных крестьян вычислено по доле их в общем числе помещичьих крестьян.

Общие сборы хлебов взяты по данным губернаторских отчетов (конец XVIII в. — ЦГАДА. Госархив разр. XVI; Дворцовый отдел, ф. 1244. оп. 390; середина XIX в. — ЦГИАЛ СССР, ф. 1281, Совет министра внутренних дел).

Распределение сбора по культурам для XVIII в. дано в отчетах. Для середины XIX в. сбор яровых распределен по культурам следующим образом. В Московской и Тверской губерниях, где уже в конце XVIII в. среди яровых доминировал овес, для середины XIX в. доля овса взята в 90% от сбора всех яровых без картофеля. В Рязанской губ. в конце XVIII в. овес составлял 58% общего сбора яровых. Для середины XIX в. в связи со значительным расширением посевов овса (см. И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 34) его доля взята в 75%. В Орловской губ. овес в конце XVIII в. составлял 45% яровых культур. Для середины XIX в. доля его взята в 65%. Сбор пеньки в Орловской губ. определен по данным о площади ее посева (конец XVIII в. — 63 тыс. дес., середина XIX — 80 тыс. дес.) и средней выработке пеньки с десятины, которая равнялась 7 нудам. Сбор семян конопли в середине XIX в. определен по площади посева и урожайности ее (сам 5).

Цены для конца XVIII в. — ЦГАДА, ф. 273, оп. 1, д. 19068, лл. 2—20, 194—200; д. 19069, лл. 11—16 (ведомости о ценах, доставлявшиеся из губерний в камер-коллегию); ф. Канц. статс-секретарей, д. 59261 (донесения Московского губернатора).

Для середины XIX в. взяты средние цены на хлеб за 1847—1853 гг. — А. Н. Егуннов. О ценах на хлеб в России и их значении в сфере отечественной промышленности (М., 1855). Цена картофеля — В. Преображенский. Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении (СПб., 1854, стр. 313). Для Московской губ. взяты средние цены Тверской губ. (1,2 руб. чт.), а для Орловской и Рязанской — 1 руб. Цены на пеньку в Орловской губ. — «Обзор внутреннего судоходства за 1854 гг.» (М., 1855, стр. 20). Цена конопли — ЦГИАЛ СССР, ф. 1231, оп. 5, 1851, д. 95, лл. 87—87 об. (отчет губернатора).

ТАБЛИЦА 1

Доходы и повинности помещичьих оброчных крестьян

Губернии	Московская		Тверская		Орловская		Рязанская	
	Конец VIII	Сере- дина XIX	Конец XVIII	Сере- дина XIX	Конец XVIII	Сере- дина XIX	Конец XVIII	Сере- дина XIX
Всего крестьян рев. душ тыс.	422,0	606,9	457,4	592,1	463,2	586,6	425,3	600,8
Помещичьих кре- стьян рев. душ тыс.	284,5	297,1	303,2	361,7	311,1	375,5	309,6	392,1
Оброчных крестьян в %	33,0	68,0	46,0	41,0	34,0	28,0	27,3	38,0
Оброчных крестьян тыс. душ	93,9	202,6	139,8	148,3	105,8	105,1	84,5	149,0
Общий сбор тыс. чт.								
Ржи	1020,9	1267,0	1336,5	2133,0	2567,1	3038,0	1956,0	2535,1
Овса и ячменя	1165,0	1728,9	1723,9	2863,8	1233,8	2624,7	1446,2	2616,9
Пшеницы	43,6	192,1	95,1	318,2	202,2	1013,3	144,2	872,3
Гречи	54,8		58,3		958,4		753,2	
Гороха, проса	12,1		16,1		74,3		128,6	
Картофеля	—	481,0	—	743,0	—	620,0	—	563,0
Конопли (семян)	—	—	—	—	304,9	400,0	—	—
Пеньки тыс. пудов	—	—	—	—	441,0	560,0	—	—
Сбор на ревизскую душу всех кре- стьян (чт.)								
Ржи	2,42	2,09	2,92	3,60	5,54	5,18	4,60	4,21
Овса и ячменя	2,76	2,85	3,77	4,84	2,66	4,47	3,40	4,35
Пшеницы	0,10	0,32	0,21	0,54	0,44	1,73	0,34	1,45
Гречи	0,13		0,13		2,06		1,77	
Гороха, проса	0,03		0,04		0,16		0,30	
Картофеля	—	0,79	—	1,25	—	1,06	—	0,89
Конопли	—	—	—	—	0,66	0,68	—	—
Пеньки (пуд.)	—	—	—	—	0,95	0,95	—	—
Цены (за чт. руб. сер.)								
Рожь	3,56	3,80	4,00	4,50	1,82	2,39	2,00	2,58
Овес	1,98	2,59	2,09	2,22	1,25	1,70	1,49	1,82
Пшеница	7,00	7,06	7,60	6,76	5,72	5,84	5,36	5,22
Греча	2,40	—	—	—	—	1,04	—	—
Доход от земледе- лия на рев. душу руб. сер.	15,0	17,50	22,0	30,5	20,0	29,0	20,2	23,5
Занято промыслами оброчных кре- стьян								
В % к общему числу	25,0	33,0	20,0	33,0	15,0	25,0	18,0	30,0
В тыс. человек	23,5	66,8	27,9	48,9	15,9	26,3	15,2	44,7
Заработок промыс- лового работника руб. сер.	32,0	66,0	14,0	30,0	7,0	15,0	15,0	30,0
Общий промысло- вой доход оброчн. крестьян тыс. руб.	752,0	4408,8	390,6	1467,0	111,3	394,5	228,0	1341,0
Доход от промыс- лов на рев. душу руб. сер.	8,0	21,8	2,8	9,9	1,1	3,8	2,7	9,0
Оброк с ревизской души руб. сер.	4,8	11,4	4,5	13,1	4,0	12,5	4,5	11,8

В середине XIX в. большую часть среди яровых культур, оставшихся по исключению овса, составляла гречиха, цены на которую были несколько ниже цен на рожь. Учитывая, что цены на пшеницу были выше, а ее доля в указанном остатке незначительной, для определения ценности всего остатка яровых культур, кроме овса, были взяты цены ржи. В конце XVIII в. в тех случаях, когда неизвестны цены гречихи, также брались цены ржи.

Доход от земледелия был определен по данным о сборе культур на ревизскую душу и ценам.

В Московской губ. в начале 50-х годов насчитывалось 65,2 тыс. государственных крестьян, занятых промыслами («Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ», вып. I, СПб., 1858), что составляло 33,4% к общему числу государственных крестьян по 10 ревизии (см. Н. М. Дружинин. «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева», т. II, М., 1958, стр. 296). Учитывая, что в 50-х годах уровень земледелия помещичьих крестьян был значительно выше, чем государственных, можно принять долю занятых промыслами помещичьих оброчных крестьян равной 33% их общего числа.

На рубеже XVIII и XIX вв. в Московской губ. выдавалось в год в среднем 50 тыс. паспортов (М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, изд. 3, М., 1922, стр. 43), что составляло к общему числу государственных и помещичьих оброчных крестьян мужского пола по 5 ревизии 21,6%. Учитывая, что часть крестьян занималась промыслами на местах или уходила без паспортов, можно принять для конца XVIII в. долю помещичьих оброчных крестьян, занятых промыслами, равной 25% их общего числа.

В Тверской губ. в 1853 г. занималось промыслами 82,6 тыс. государственных крестьян (Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 321), что составляло 36,5% общего числа их по 10 ревизии. Долю занятых промыслами помещичьих оброчных крестьян можно считать равной 33% их общего числа.

Долю помещичьих оброчных крестьян, занятых промыслами в конце XVIII в., можно определить лишь путем экстраполяции, т. е. следующего расчета. В конце 50-х годов XIX в. в Тверской губ. насчитывалось 375 тыс. государственных и помещичьих оброчных крестьян. Из них было занято промыслами 124 тыс. человек, т. е. 33% от общего числа их. В 1828 г. в губернии было выдано помещичьим и государственным крестьянам 29,7 тыс. паспортов (А. Г. Рашин. К вопросу о формировании рабочего класса в России в 30—50-х годах XIX в., «Исторические записки», т. 53, стр. 146). Если учесть, что в это время в общем числе паспортов и краткосрочных билетов, выдававшихся крестьянам губернии, паспорта составляли (по данным 40-х годов) 36%, а билеты 64% (А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 149), то общее число крестьян, уходивших на промыслы по паспортам и билетам, составляло в 1828 г. 83 тыс. человек. Таким образом, за 30 лет, с 1828 г. до конца 50-х годов, число занятых промыслами крестьян, возросло на 41 тыс. человек, что составляет 33% к числу занятых промыслами в конце 50-х годов. Если для периода с конца 90-х годов XVIII в. до 1828 г. абсолютный прирост числа занятых промыслами принять равным 30% от занятых промыслами в 1828 г., то он составит 25 тыс. человек. Следовательно, в конце XVIII в. число занятых промыслами крестьян будет равно 58 тыс. человек или 20% от общего числа государственных и помещичьих оброчных крестьян (297 тыс. человек). Исходя из этого для конца XVIII в. доля помещичьих оброчных крестьян, занятых промыслами, принята равной 20% общего числа их. Надежность указанного расчета можно проверить так. По размерам паспортного сбора можно определить число уходивших на промыслы крестьян Кашинского уезда в середине 60-х годов XVIII в. Оно равнялось 4,5 тыс. (ЦГАДА, ф. 263, оп. 1, ч. 2, д. 680). Во всех 12 уездах губернии число отходников в середине 60-х годов составляло примерно 40—45 тыс. человек. Если принять, что за 30 лет, с середины 60-х годов до конца XVIII в., число занятых промыслами абсолютно выросло на 30% по отношению к числу занятых промыслами в конце XVIII в. (58 тыс. человек), то это составит 17,5 тыс. человек. Следовательно, в середине 60-х годов в губернии занималось промыслами примерно 40 тыс. человек, т. е. расчет дает показатель, совпадающий с тем, что указанным.

В Рязанской губ. в 1856—1857 гг. государственные крестьяне получали 47,9 тыс. паспортов («Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Рязанская губерния, Составил М. Баранович», М., 1860, стр. 340), что составляло 22,1% общего числа их. В начале 40-х годов XIX в. из заокских уездов губернии уходило на промыслы до 65 тыс. человек (ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, 1842, д. 74, л. 4 об.), что составляло более 25% помещичьих оброчных и государственных крестьян этого района. Для 50-х годов число помещичьих оброчных крестьян, занятых промыслами, может быть принято, возможно с некоторым завышением, равным 30%.

Для конца XVIII в. доля занятых промыслами крестьян, так же как и по Тверской губернии, определялась методом экстраполяции. При 110 тыс. человек, занятых промыслами в конце 50-х годов (из 366 тыс. государственных и помещичьих оброчных крестьян 30% занимались промыслами), и 63 тыс. человек в 1828 г. (выдано 36,4 тыс. паспортов и 26,4 тыс. билетов — А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 146, 149), абсолютный прирост занятых промыслами составлял 47 тыс. человек или 43% к числу занятых промыслами в конце 50-х годов. Принимая прирост от конца 1790-х годов до 1828 г. равным 43% к занятым промыслами в 1828 г., будем иметь абсолютный прирост равным

27 тыс. человек, а число занятых промыслами в конце XVIII в.—36 тыс. Это составляет 18% к числу государственных и помещичьих оброчных крестьян. Доля занятых промыслами помещичьих оброчных крестьян в конце XVIII в. и принята равной 18% общего числа их.

В Орловской губ. в начале 50-х годов XIX в. было занято промыслами примерно 75 тыс. человек (подсчет по данным «Военно-статистического обозрения Российской империи», т. VI, ч. 5. Орловская губерния. СПб., 1853, стр. 100 и сл.) или 24% помещичьих оброчных и государственных крестьян. Доля занятых промыслами помещичьих оброчных крестьян принята для 50-х годов равной 25%.

По Орловской губернии, к сожалению, нет данных о числе крестьян, занятых промыслами в 1828 г. Поэтому при определении доли крестьян, занятых промыслами в конце XVIII в., пришлось исходить из величины относительного прироста занятых промыслами крестьян с конца XVIII в. до конца 50-х годов XIX в. по Рязанской губернии. Этот прирост равнялся 67% к числу занятых промыслами в 50-х годах. Учитывая меньшую степень развития промыслов в Орловской губернии, прирост был взят равным 60%. При примерно 80 тыс. крестьян занятых промыслами в конце 50-х годов (25% от 316 тыс. человек государственных и помещичьих оброчных крестьян) абсолютный прирост занятых промыслами с конца XVIII в. до конца 50-х годов составляет 48 тыс. человек, а число занятых промыслами в конце XVIII в.—32 тыс. человек. Это составляет 13% к числу государственных помещичьих оброчных крестьян. Для расчетов доля помещичьих оброчных крестьян, занятых промыслами, принята равной 15% их общего числа.

Заработки фабричных рабочих Московской губ. в начале XIX в. составляли от 40 до 66 руб. на работника в год в зависимости от квалификации (М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 146—151). Учитывая, что низкооплачиваемые категории рабочих составляли основную массу их, а заработки в конце XVIII в. были меньше, средний заработок принят для конца XVIII в. равным 40 руб. ассиг. или 32 руб. сер.

В конце 40-х годов XIX в. средний заработок рабочего фабрично-заводской промышленности Московской губернии равнялся 66,6 руб. сер. (подсчитано по данным о числе рабочих в губернии и общей сумме зарплаты, взятым из «Военно-статистического обозрения Российской империи», т. IV, ч. I, Московская губ., СПб., 1853, табл. 3, 12 приложения). В начале 50-х годов заработки на промыслах государственных крестьян губернии составляли по уездам от 60,6 до 71,7 руб. сер., т. е. в среднем 66 руб. Средний заработок промыслового работника в губернии в середине XIX в. взят равным 66 руб. сер.

В Тверской губ. в 80-х годах XVIII в. заработок коноводов, извозчиков, кузнецов составлял 12—24 руб. (ЦГИАВ, ВУА, д. 19088, ч. I, л. 54. Описание губернии). В 1802 г. заработки на сплаве судов, колесников, бондарей, на изготовление других деревянных изделий составляли 15—30 руб. (ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 21, д. 21). Для конца XVIII в. средний заработок принят 17,5 руб. ассиг. или 14 руб. сер. В 50-х годах промысловые заработки крестьян составляли 15—40 руб. сер. на работника (ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 13, д. 192, л. 13 об.; д. 214, л. 46). Средний размер заработка принят для этого времени в 30 руб. сер. на одного промыслового работника.

В Орловской губ. в последней трети XVIII в. заработки на извозе, пилке леса, плотничьей, поденной и других работах составляли 6—10 руб. (ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 711, лл. 38, 50—51, 64; В. Н. Яковлевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, М., 1953, стр. 114) или в среднем 8,5 руб. ассиг., 6,8 руб. сер. Нами взято 7 руб. сер. на одного работника.

В начале 50-х годов XIX в. заработки крестьян на различного рода промыслах (извоз, трепка пеньки, бурлачество и др.) составляли от 11 до 30 руб. сер. Средний доход от всех промыслов по губернии составлял приблизительно 12,5 руб. на одного работника, занятого промыслами (по данным «Военно-статистического обозрения», т. VI, ч. 5, стр. 100 и сл.). Средний заработок промыслового работника из оброчных крестьян может быть принят равным для середины XIX в. в 15 руб. сер.

В Рязанской губ. в 1850 и 1851 гг. заработки плотников, пильщиков, бондарей, строгальщиков составляли 25 руб. сер. (ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 51, л. 40 об.; оп. 5, 1852, д. 74, лл. 104—104 об.). Учитывая, что заработки в фабрично-заводской промышленности были выше, средний заработок для середины XIX в. принят в 30 руб. сер.

Для конца XVIII в. взят вдвое меньший показатель — 15 руб. сер., так как по всем указанным выше губерниям, а также и по Владимирской губ. (см. М. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 162) за это время заработки выросли примерно вдвое.

Размеры оброка для середины XIX в. взяты по данным А. Скребицкого («Крестьянское дело в царствование Александра II», т. III, Бонн на Рейне, 1865/66, стр. 1222, и сл.).

Для конца XVIII в. размеры оброка подсчитаны по «Экономическим примечаниям»: Л. В. Миловым по Московской и Орловской губерниям («Исследование об экономических примечаниях (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства II половины XVIII в.)», М., 1965), И. Д. Ковальченко по Рязанской губ. (Указ. соч., стр. 179). В Тверской губ. в конце 70-х — начале 80-х годов XVIII в. оброк равнялся 3 руб. с души. В начале XIX в. оброк в Корочанском уезде (ЦГАДА, Межевой отдел. «Экономические примечания» Тверской губ., д. 31) равнялся 9,3 руб. ассиг. Средний размер оброка в 1790-х годах составлял 5—6 руб. ассиг., или 4,5 руб. сер с души.

ТАБЛИЦА 2

Оброчное обложение различных прослоек крестьян в русской крепостной земледельческой деревне первой половины XIX в.

Имена	Год составления подворной описи	В процентах к итогу по имению												Оброк на муж. душу (руб. сер.)			
		беднейшая				средняя				зажиточная				г р у п п ы			
		дворов	населения (муж.)	оброчный оклад	всего скота	дворов	населения	оброчный оклад	всего скота	дворов	населения	оброчный оклад	всего скота	беднейшая	средняя	зажиточная	в среднем
Старая Гать Орловых-Давыдовых (Епифанский уезд)	1830	—	—	—	—	79,5	64,2	63,9	60,6	20,5	35,8	36,1	39,4	—	5,3	5,3	5,3
	1840	15,8	8,3	6,3	3,8	80,7	85,7	88,4	87,7	3,5	6,0	5,3	8,5	4,1	5,6	4,7	5,4
	1860	7,1	2,7	2,4	1,1	71,5	65,1	63,5	63,1	21,4	32,0	34,1	35,8	8,8	9,6	10,4	9,8
Надеждинское Мордвиновых (Хвалынский уезд)	1822	26,4	17,2	15,4	8,0	58,5	62,7	61,5	61,9	15,1	20,1	23,1	31,1	5,4	5,9	6,9	6,0
	1842	23,0		17,8	2,7	31,1		28,9	19,9			53,3	77,4				
Степные Юсуповых (Тульская губ.)	1825	6,8	4,2	5,1	2,7	66,3	55,2	55,3	51,1	29,5	39,7	39,6	46,2	6,7	5,4	5,4	5,4
Бутырское Дурново (Епифанский уезд)	1839	22,9	15,7	16,5	8,6	60,2	59,5	57,8	60,5	16,9	24,8	25,7	30,9	7,0	6,5	7,0	6,7
Планское Воронцовых (Кузнецкий уезд Саратовской губ.)	1849	45,9	34,0	30,2	13,9	46,6	54,2	56,0	58,2	7,5	11,8	13,8	27,9	7,1	8,2	9,4	8,0
Ивенское Мордвиновых (Моршанский уезд)	1851	5,8	1,5	1,5	1,0	47,8	39,0	36,5	34,9	46,4	59,5	62,0	64,1	10,3	9,4	10,5	10,1
Самарские Талызиных	1859	16,5	7,4	5,9	3,0	59,6	55,4	56,4	52,1	23,9	37,2	37,7	44,9	6,4	8,2	8,2	8,1
Молодотудское Шереметевых (Ржевская часть)	1802	26,9	21,2	18,2	8,6	60,6	60,9	61,6	61,8	12,5	17,9	20,2	29,6	1,5	1,7	1,9	1,7
Осташковская часть того же имения	1855/56	24,0	14,9	12,2	6,8	70,1	75,9	77,6	77,6	5,9	9,2	10,2	15,6	3,0	3,7	4,0	3,6
	1837	18,5	15,1	12,1	5,8	71,8	71,3	73,3	74,6	9,7	13,6	14,6	19,6	2,9	3,7	3,9	3,6
	1858	17,0	9,3	5,9	3,5	70,5	71,6	74,4	71,0	12,5	19,1	19,7	25,5	2,3	3,7	3,8	3,6
Мануйловское Гагариных (Ржевский уезд)	1813	10,2	5,0	4,6	2,3	69,4	65,8	66,3	61,8	20,4	29,2	29,1	35,9	2,2	2,4	2,4	2,4
	1823	8,2	4,4	3,0	1,5	61,7	56,1	55,2	50,5	30,1	41,5	41,8	48,0	3,2	4,8	4,7	4,8
	1829	5,8	2,2	1,6	1,4	82,6	75,9	79,0	74,0	11,6	19,4	19,4	24,6	5,6	7,7	6,9	6,7
	1840	14,4	10,1	8,1	3,7	73,6	73,0	74,3	73,5	12,0	17,6	17,6	22,8	5,8	7,3	7,4	7,2
	1850	11,2	5,2	3,8	2,4	73,6	74,2	72,3	71,1	15,2	23,9	23,9	26,5	5,3	6,7	7,9	6,9
	1860	7,3	3,8	3,1	2,0	75,8	72,2	72,9	69,0	16,9	24,0	24,0	29,0	5,9	6,9	6,9	6,9
Гривское Голицыных (Сычевский уезд)	1806	21,5	15,6	13,2	8,7	62,7	59,9	62,4	62,6	15,8	24,5	24,4	28,7	2,4	3,0	2,9	2,9
	1844	13,4	8,8	6,7	4,4	76,1	76,7	68,8	75,3	10,5	14,5	24,5	20,3	7,0	7,9	6,7	7,6
Позняковское Голицыных (Муромский уезд)	1805	8,5	3,7	2,3	1,3	46,8	31,7	38,7	37,1	44,7	64,6	59,0	61,6	6,3	12,3	9,2	10,0
	1827	21,3	14,3	11,6	9,3	57,8	54,0	56,7	54,6	20,9	31,7	31,7	36,1	15,5	20,0	19,0	19,0

(в ассигнациях)

Пасконское Юсуповых (Мосаль- ская часть)	1827	33,3	30,2	27,5	21,1	64,5	67,1	69,1	74,6	2,2	2,7	3,4	4,3	—	—	—	—
	1840	13,0	9,7	4,5	4,8	63,8	58,0	53,9	55,5	23,2	32,3	41,6	39,7	3,0	5,9	8,2	6,4
	1851	7,7	2,6	1,6	1,9	52,3	44,3	40,9	39,0	40,0	53,1	57,5	59,1	3,8	5,8	6,8	6,3
Мещевская часть того же имения	1840	8,7	4,6	—	1,0	34,8	27,5	22,5	20,1	56,5	67,9	77,5	78,9	—	5,3	7,3	6,4
	1851	4,5	2,1	1,3	1,9	27,3	14,6	21,1	15,8	68,2	83,3	77,6	82,3	3,9	9,1	5,9	6,3
Покровское Мордвиновых (Луж- ский уезд)	1829	17,6	10,7	9,6	3,7	21,6	18,7	18,7	13,6	60,8	70,6	71,5	82,7	6,7	7,5	7,6	7,5
	1835	26,4	17,8	15,2	8,9	40,2	40,5	41,8	37,7	33,4	41,7	43,0	53,4	5,3	6,4	6,4	6,2
	1849	18,5	—	11,6	5,9	46,7	—	43,5	38,4	34,8	—	44,9	55,7	—	—	—	6,3
Знаменское Орловых-Давыдовых (Бронницкий уезд)	1850	33,1	21,8	18,0	13,1	54,8	58,1	60,6	61,9	12,1	19,5	21,4	25,0	6,2	6,6	9,4	7,5
	1860	42,9	30,2	28,2	18,3	48,5	54,3	56,8	60,9	8,6	15,5	15,0	20,8	9,3	10,5	9,7	10,0
Калужское Мусиных-Пушкиных Покровское и Гостыньское	1817	3,6	1,8	1,6	1,2	47,4	39,5	41,5	35,2	48,7	58,7	56,9	63,6	—	—	—	—
Мелиховское	1837	27,7	18,6	15,0	12,5	63,1	66,8	67,0	69,3	9,2	14,6	18,0	18,2	4,8	5,9	7,3	5,9
Алексеевщинское Голицыных (Владимирский уезд)	1817	17,1	11,2	9,2	8,3	71,3	74,5	74,4	72,6	11,0	14,3	16,4	19,1	7,1	8,7	9,9	8,7
Калитеевское—их же (там же)	1820	21,0	12,7	13,2	9,2	72,5	72,0	71,8	76,1	6,5	15,3	15,0	14,7	—	—	—	—
Загорьинское Нарышкиных (Пе- реяславский уезд)	1828	19,1	11,1	6,7	6,0	34,3	28,8	26,8	27,5	46,6	60,1	66,5	66,5	5,6	8,6	10,3	9,2
Дурыкинское Строгановой (Во- локоламский уезд)	1830	26,5	20,4	19,5	13,4	54,4	57,7	57,2	49,8	19,1	21,9	23,3	36,8	6,3	6,5	7,0	6,6
Троицкое Шереметевых (Москов- ский уезд)	1838	32,0	18,0	15,0	12,3	55,8	61,3	63,7	65,0	12,2	20,7	21,3	22,7	3,5	4,3	4,3	4,2
Григорьевское Гагариных (Пере- яславский уезд)	1839	17,8	6,9	2,8	1,6	42,4	31,1	33,9	32,6	39,8	62,0	63,3	65,8	2,9	7,9	7,4	7,2
Кутменевское Шуваловых (Ве- рейский уезд)	1841	39,2	27,1	25,0	15,2	44,0	50,3	50,3	48,0	16,6	22,6	24,7	36,8	5,4	5,8	6,3	5,8
Толбинское и Тюфонское Юсу- повых (Подольский уезд)	1841/46	20,3	11,6	9,9	8,3	72,2	74,8	76,7	77,5	7,5	13,6	13,4	14,2	6,9	8,2	7,9	8,0
Княжихинское Голицыных (Ба- лахинский уезд)	1844	41,8	26,3	25,5	24,4	54,4	66,5	67,2	68,2	3,8	7,2	7,3	7,4	5,4	5,7	5,6	5,6
Климовское Юсуповых (Юхнов- ский уезд)	1851	16,5	7,8	5,2	4,1	62,3	59,6	59,9	57,0	21,2	32,6	34,9	38,9	4,0	6,0	6,4	5,9
Латгшихинское—их же (Василь- евский уезд)	1851	31,0	18,8	21,2	13,8	54,9	58,0	54,1	59,9	14,1	23,2	24,7	26,3	8,4	7,0	8,0	7,5

ТАБЛИЦА 3

Оброчное обложение различных прослоек крестьян в русской промыслово-земледельческой крепостной деревне первой половины XIX в.

Именья	Год составления подворной описи	В процентах к итогу по имению												Оброк на муж. душу (руб. сер.)			
		беднейшая				средняя				зажиточная				г р у п п ы			
		дворов	населения (муж.)	оброчн. оклад	всего скота	дворов	населения	оброчн. оклад	всего скота	дворов	населения	оброчн. оклад	всего скота	беднейшая	средняя	зажиточная	в среднем
Киясовское Гагариных (Серпуховский уезд)	1840	47,2	38,0	37,4	24,3	39,5	44,8	44,5	46,9	13,3	17,2	18,1	28,8	5,5	5,7	6,1	5,7
	1851	51,2	40,3	37,8	27,2	38,8	44,5	41,3	48,4	10,0	15,5	20,9	24,4	6,4	7,1	7,1	6,8
	1858	53,8	43,2	42,2	31,9	39,0	44,5	45,7	52,6	7,2	12,3	12,1	15,5	6,4	6,7	6,5	6,5
Спасское—их же (Коломенский уезд)	1840	53,8	44,0	42,2	31,0	29,6	37,0	38,5	42,5	16,6	19,0	19,3	26,5	6,6	7,1	7,0	6,9
	1856	56,1	40,4	38,7	28,5	30,6	40,6	42,7	50,9	13,3	19,0	18,6	20,6	6,9	7,5	7,0	7,1
	1828	63,0	47,0	46,0	34,5	23,0	27,0	28,0	31,3	14,0	26,0	26,0	34,2	5,8	5,9	5,9	5,9
Сосновское—их же (Горбатовский уезд)	1835	63,0	48,0	49,0	30,9	11,0	16,0	17,0	17,6	26,0	36,0	34,0	51,5	8,6	9,2	8,1	8,2
	1842	75,0	62,0	60,0	45,6	19,0	26,0	28,0	34,3	6,0	12,0	12,0	20,1	7,3	7,8	7,9	7,5
	1853	77,0	63,0	62,0	46,7	17,0	26,0	29,0	36,0	6,0	11,0	9,0	17,3	7,7	8,7	7,0	7,9
	1857	86,0	79,0	76,0	65,0	10,0	15,0	18,0	23,6	4,0	6,0	6,0	11,4	7,1	9,5	9,1	7,5
	1860	84,0	73,0	71,0	60,7	12,0	18,0	19,0	24,6	4,0	9,0	10,0	14,7	7,4	8,2	8,1	7,5
	1824	5,3	3,2	1,8	1,4	54,0	42,2	43,7	40,0	40,7	54,5	54,5	58,6	4,1	7,5	7,0	7,0
Семенцевское Мусиных-Пушкиных (Мышкинский уезд)	1837	12,9	5,9	5,3	4,4	57,7	55,6	54,5	53,0	29,4	38,5	40,2	42,6	6,7	7,4	7,8	7,5
	1847	13,3	5,0	4,6	3,8	67,1	64,4	64,3	62,0	19,6	29,6	31,1	34,2	9,6	10,2	10,9	10,4
	1825	8,1	1,6	2,6	4,1	73,0	68,0	65,8	42,8	18,9	30,4	31,6	53,1	11,5	6,8	7,3	7,0
Труневское Юсуповых (Дмитровский уезд)	1841	28,9	20,7	13,7	14,9	47,4	40,8	49,3	47,5	23,7	38,5	37,0	37,0	4,9	9,0	7,1	7,4
	1851	41,6	28,2	23,7	24,0	30,6	29,6	30,3	31,1	27,8	42,2	46,0	46,0	6,3	7,7	8,2	7,5
	1836	61,0	54,8	41,2	28,7	31,7	39,3	42,6	49,7	7,3	5,9	16,2	21,6	5,5	8,0	19,9	7,3
Здекинское—их же (Варнавицкий уезд)	1852	53,2	38,5	30,6	26,4	29,8	39,2	41,2	38,3	17,0	22,3	28,2	35,3	6,8	9,0	10,8	7,5
	1842	61,7	53,3	46,8	43,9	28,0	34,5	39,6	34,7	10,3	12,2	13,6	21,4	4,9	6,5	6,3	5,6
	1851	52,2	43,0	36,3	31,3	40,2	47,2	51,8	49,1	7,7	9,8	11,9	19,6	7,5	9,7	10,8	8,9
Никольское Шереметевых (Московский уезд)	1836	51,9	39,8	33,3	22,7	37,3	42,4	46,2	51,8	10,8	17,8	20,5	25,5	2,8	3,7	3,9	3,4
	1836	54,5	44,1	40,0	34,2	34,7	40,4	42,1	46,0	10,8	15,5	17,9	19,8	3,6	3,6	3,9	3,7
	1841	56,5	38,6	41,1	35,5	25,9	34,9	31,9	33,3	17,6	26,5	27,0	31,2	7,6	6,5	7,5	7,2
Агафидское Шуваловых (Богородский уезд)	1846	47,3	38,1	38,5	24,3	15,8	24,7	20,5	22,9	36,9	37,2	41,0	52,8	7,6	6,2	8,3	7,5
	1846	47,3	38,1	38,5	24,3	15,8	24,7	20,5	22,9	36,9	37,2	41,0	52,8	7,6	6,2	8,3	7,5
	1846	47,3	38,1	38,5	24,3	15,8	24,7	20,5	22,9	36,9	37,2	41,0	52,8	7,6	6,2	8,3	7,5
Спасское Юсуповых (Московский уезд)	1851	48,7	36,8	32,2	31,3	37,5	42,5	46,4	48,7	13,8	20,7	21,4	20,0	6,6	8,2	7,8	7,5
	1855	40,4	24,7	13,5	17,6	42,1	44,0	47,3	46,0	17,5	31,3	39,2	36,4	5,1	10,1	11,7	9,3
	1855	40,4	24,7	13,5	17,6	42,1	44,0	47,3	46,0	17,5	31,3	39,2	36,4	5,1	10,1	11,7	9,3
Ярославское—их же	1851	48,7	36,8	32,2	31,3	37,5	42,5	46,4	48,7	13,8	20,7	21,4	20,0	6,6	8,2	7,8	7,5
	1855	40,4	24,7	13,5	17,6	42,1	44,0	47,3	46,0	17,5	31,3	39,2	36,4	5,1	10,1	11,7	9,3
	1855	40,4	24,7	13,5	17,6	42,1	44,0	47,3	46,0	17,5	31,3	39,2	36,4	5,1	10,1	11,7	9,3
Щукинское—их же (Нижегородский уезд)	1851	48,7	36,8	32,2	31,3	37,5	42,5	46,4	48,7	13,8	20,7	21,4	20,0	6,6	8,2	7,8	7,5
	1855	40,4	24,7	13,5	17,6	42,1	44,0	47,3	46,0	17,5	31,3	39,2	36,4	5,1	10,1	11,7	9,3
	1855	40,4	24,7	13,5	17,6	42,1	44,0	47,3	46,0	17,5	31,3	39,2	36,4	5,1	10,1	11,7	9,3